Монастыри Переславля-Залесского как точки притяжения и коммуникации

АРИНА СЕРГЕЕВНА КУПРИЯНОВА [1]

✉ REENACUPRUM@GMAIL.COM

[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8020-8079

ДАРЬЯ МАРКОВНА АГАПОВА [1]

✉ DASHAGAPOVA@MAIL.RU

[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ЯНА ОЛЕГОВНА ПОЦЕЛУЙКО [1]

✉ YANA_POTSEL@MAIL.RU

[1] Независимый исследователь

Для цитирования статьи:
Куприянова, А. С., Агапова, Д. М., Поцелуйко, Я. О. (2021). Монастыри Переславля-Залесского как точки притяжения и коммуникации. *Фольклор и антропология города*, *IV*(1), 174–191. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-174-191.

Подборка представляет собой описание полевых материалов, собранных авторами в январе 2021 года в г. Переславль-Залесский Ярославской области в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций». В работе рассматриваются нарративы о монастырях города в советский период и в современности. В СССР монастыри были перепрофилированы в государственные учреждения (склад, туристическое бюро, музей и т. д.). В то же время эти территории по-разному осваивались местными жителями, например, становились площадкой для детских игр. Сейчас четыре из пяти монастырей (Феодоровский, Даниловский, Никитский, Никольский) переданы РПЦ и являются действующими. Они выступают в качестве точек притяжения как для местных жителей, так и для туристов и паломников.

Ключевые слова: Переславль-Залесский, «Народная история России», монастырь, детские практики, паломничество, граница

Исследование выполнено в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20–1–036197)

Выражаем искреннюю благодарность нашим коллегам по экспедиции Н. В. Петрову, К. В. Сироткиной, П. А. Богомолову, Э. Г. Матвеевой, а также Переславскому Свято-Феодоровскому историко-культурному форуму, Феодоровскому женскому монастырю, епархии и всем нашим собеседникам за помощь в проведении исследования

Monasteries in Pereslavl-Zalessky as points of attraction and communication

Arina S. Kupriyanova [1]

✉ reenacuprum@gmail.com

[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8020-8079

Daria M. Agapova [1]

✉ dashagapova@mail.ru

[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Yana O. Potseluyko [1]

✉ yana_potsel@mail.ru

[1] Independent researcher

To cite this article:
Kupriyanova, A., Agapova, D., Potseluyko, Ya. (2021). Monasteries in Pereslavl-Zalessky as points of attraction and communication. *Urban Folklore & Anthropology*, *IV*(1), 174–191. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-174-191. (In Russian).

The article dwells on the description of the field research which was conducted in January 2021 in the city of Pereslavl-Zalessky, Yaroslavl region, within the framework of the project "The People's History of Russia: Crossroads of Local Civilizations". The work contains the narratives about the monasteries of the city during the Soviet era and in the present time. In the USSR, monasteries used to be repurposed as state-run institutions (a warehouse, a tourist office, a museum, etc.). At the same time, these territories were developed in various ways by local residents, for example, one of those became a children's playground. Currently four of the five monasteries (Feodorovsky, Danilovsky, Nikitsky, Nikolsky) have been restituted to the Russian Orthodox Church and are functioning. They act as points of attraction for both locals and tourists and pilgrims.

Keywords: Pereslavl-Zalessky, People's History of Russia, monastery, children's practices, pilgrimage, borderline

Введение

Наша подборка посвящена социальной роли монастырей в пространстве г. Переславль-Залесский в советский и современный период. Мы рассматриваем монастыри как места, в которых происходит коммуникация между сакральным и светским.

Сама идея этого исследования появилась осенью 2020 года. В Переславле-Залесском проходила XX Школа-конференция по фольклористике и культурной антропологии, организованная Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ и Лабораторией теоретической фольклористики РАНХиГС. В дневной перерыв между лекциями студенты — слушатели и докладчики — были заняты полевой работой: брали интервью и проводили включенное наблюдение рядом с городскими достопримечательностями. Одной из локаций стал Феодоровский женский монастырь. В свечной лавке участницы полевого практикума познакомились с одной из сестер

монастыря. Та порекомендовала связаться с послушницей, которая отвечает за социальную работу монастыря и его медийный облик. Выяснилось, что монастырь заинтересован в сотрудничестве с исследователями, поскольку для монахинь было важно узнать историю монастыря. Они надеялись получить информацию о тех, кто имел отношение к Феодоровскому женскому монастырю, о судьбе монахинь после закрытия монастыря, об исчезнувшей колокольне и т. д. На защите итогов полевого практикума будущие участники экспедиции озвучили идею приехать в монастырь еще раз. Н. В. Петров предложил устроить экспедицию в рамках проекта «Народная история России». В команду вошли Никита Викторович Петров (кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС), Дарья Марковна Агапова (на момент экспедиции — студентка филологического факультета МГУ им. Огарева, ныне магистрантка ЦТСФ РГГУ), Павел Анатольевич Богомолов (студент школы востоковедения НИУ ВШЭ), Арина Сергеевна Куприянова (студентка УНЦСА РГГУ), Яна Олеговна Поцелуйко (на момент экспедиции — студентка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, ныне — независимая исследовательница) и Ксения Владимировна Сироткина (на момент экспедиции — студентка исторического факультета МГУ им. Ломоносова, ныне — магистрантка ЕУ СПб). Как было сказано выше, интерес был обоюдным: монастырю хотелось, чтобы мы собрали информацию об истории монастыря как в царский, так и в советский период, нас же интересовали нарративы, посвященные городу и, в том числе, роли монастыря в пространстве Переславля-Залесского.

Экспедиция проходила с 26 по 31 января 2021 года. Основными методами сбора данных стали глубинные полуструктурированные интервью и включенное наблюдение. Последнее предполагало погружение в исследуемую среду: мы жили в кельях, питались монастырской едой в трапезной, ходили на службы, общались с насельницами монастыря. Наши опросники предполагали как стандартные для проекта «Народная история России» вопросы [Петров и др. 2019], так и специализированные, связанные непосредственно с Феодоровским монастырем. Кроме того, мы просили наших собеседников рисовать ментальные карты города. Всего мы опросили 15 человек в возрасте от 41 до 78 лет: насельниц и прихожан Феодоровского женского монастыря, пенсионеров, работников культурной (музеи, искусство) и туристической сферы, священника, экскурсовода и бездомного. По просьбе наших информантов мы приняли решение анонимизировать данные, оставив год рождения, пол и сферу занятости.

Монастыри Переславля-Залесского

Всего в городе насчитывается пять монастырей: Горицкий Успенский, Свято-Троицкий Данилов, Феодоровский, Никитский и Никольский. При этом Горицкий монастырь перестал функционировать в 1744 году, а с 1919 года там располагается музей. Все остальные монастыри — действующие.

Этнолог С. С. Савоскул, говоря о базовой основе локальной идентичности переславцев, называет два основных ее элемента: «представления о местном историко-культурном наследии, воплощенном в разнообразных памятниках истории и культуры» и «локальная историческая память, опирающаяся в первую очередь на значимых для переславской, а также и общероссийской истории деятелей, так или иначе связанных с Переславлем» [Савоскул

2015: 173]. В группу памятников попадают как действующие (на данный момент) монастыри, так и музейный Горицкий монастырь. Неудивительно, что практически во всех интервью наши собеседники упоминали монастыри как наиболее важные достопримечательности города. Столь же часто разговор заходил разве что о Синем камне[1] — достопримечательности, получившей свою популярность в начале 1990-х годов.

Монастырские комплексы в советский период

В период СССР монастыри не работали в качестве религиозных учреждений, но здания не пустовали: в них размещались светские организации. Д. Г. Дубовка пишет о том, что перепрофилирование зданий в ряде случаев было выгоднее уничтожения: «Взорвать храм означало лишить себя возможности практически использовать здания, поэтому к монастырским комплексам применялась иная стратегия. Церковные строения избавлялись от прежней символической нагрузки частично с помощью перепланировки, а частично — посредством новой инфраструктуры и практик использования» [Дубовка 2020: 44]. Эта тенденция не обошла стороной и Переславль-Залесский: в период с 1918-го по 1923 год монастыри города были закрыты, а их здания переданы разнообразным организациям — от военных частей до музея.

Как мы уже сказали выше, экспедиция проходила в партнерстве с Феодоровским женским монастырем. Это обусловило большое количество текстов, посвященных именно ему. Одна из наших собеседниц говорила о дореволюционной истории монастыря, вплетающейся в историю ее семьи: настоятельница Евгения была двоюродной бабушкой рассказчицы.

> И они вот еще рассказывают, что, значит, это... их было 9 человек, детей-то, а этот... ну вот отец-то их бросил. И вот эти монахини — они приходили — 2 раза в год, что ли, — и вот они их там обшивали. Ведь одежды же мало было. Вот, там штопали... [Монахини штопали?] Монахини, да, монахини Федоровского монастыря приходили и помогали вот это... [А как, они их звали, что ли?] Они сами приходили... Я не знаю, как-то ли звали они их... ну, в общем это, они вот приходили и помогали. [То есть это, получается, было до 1920-х годов, да, что они приходили?] Да, это... [До революции еще?] Да, это до два [дцатых годов]... Она умерла в [19]20 году, а это же было при ней. Бабушка Варя — она... вот... ну, мамина и теток-то мать — она с 1882 года. А дед был намного старше ее. А это самая старшая сестра деда. [То есть правильно я понимаю, что матушка Евгения, да, когда она руководила монастырем, она посылала сестер, чтобы те обшивали семью?] Да. Чтоб те обшивали... да. Чтобы тебе обшивали семью. Но насколько все это правда?.. И вот после того, как это... как вот рассказывают, тетка рассказывала, и как вот в этой в книжке-то — вот они мне дали...[2]

Этот рассказ перекликается с одним из нарративов на экскурсии, которую нам провела одна из послушниц: «На месте монастыря была "артель", ее разоблачили и разогнали. Непонятно куда делись 500 сестер»[3]. Собеседница отдельно просила нас задавать вопросы об этом периоде истории монастыря. Вероятно, монахини стали работницами артели после 1917 года.

[1] Синий камень — камень ледникового происхождения, расположенный на берегу Плещеева озера. При намокании приобретает синий оттенок. Нарративы о камне чаще всего включают в себя упоминание чудодейственной силы камня (исцеление, исполнение желаний) и описания вернакулярных практик (кормление камня молоком, «заряжание» вещей у камня и т. д.).

[2] Инф. 3, ж., 1949, пенсионерка.

[3] Полевой дневник от 27.01.2021.

О. В. Кириченко пишет о том, что такое развитие событий было типичным именно для женских монастырей:

> Женское монашество вышло к революции в полной боевой готовности, в отличие от большинства мужских монастырей. Не случайно же женские монастыри в большом числе, как могли, держались вплоть до начала 1930-х годов, превратившись в образцовые сельскохозяйственные артели и кооперативы, к которым не было претензий по существу дела у дотошных проверяющих комиссий [Кириченко 2010: 457].

Мы не зафиксировали истории о том, как артель была расформирована, но можно предположить, что это случилось именно в 1930-е годы.

Воинские части

В советское время в зданиях Феодоровского и Данилова монастыря помещались воинские части. Несмотря на предполагаемую закрытость военного пространства, горожане — преимущественно дети — все же попадали внутрь. Воспоминания наших собеседников о воинских частях относятся к их детству, то есть к 1950-м годам. На сайте Данилова монастыря также указан этот период, правда, без конкретной даты образования и расформирования военного объекта: «В 1923 году Свято-Троицкий монастырь был закрыт. В советское время на его территории размещалась машинно-тракторная станция, воинская часть, заготовительная контора»[4]. Нашим собеседникам запомнились именно склады военной базы.

Феодоровский монастырь

1. Здесь была воинская часть, был магазин. Нас солдаты пропускали через проходную. ‹...› [А солдаты вас пропускали зачем? Чтобы в магазин?] В магазин сходить, да. Тут же пло... ну, бедно жили-то: ни масла не было, ни колбасы не было. А военных-то обслуживали — здесь же все, все продукты все были. Вот даже в каком вот... Вот где это вот... как вот входишь — здание, а тут вот рядом... магазин тут вот был рядом. [И прямо можно было покупать?] Да. [А родители ваши... ну, то есть, в смысле, они детей пропускали, в основном?] Ну, как же... Конечно, детей. Остальные-то все по пропускам, а это вот... Дяденька сжалится — значит, нас впустит в магазин. [А что покупали?] Масло, колбасу — что там... здесь же не было[5].

2. Значит, я здесь не был лет тридцать. Здесь многое изменилось. Тут же, когда я бывал здесь, здесь были, можно сказать, развалено все — все было заколочено, забито. Здесь помещалась одно время, значит, перед войной и после войны, воинская часть стояла[6].

3. [А вот вы не знаете, что на месте Феодоровского монастыря раньше было? Вот до того, как его восстановили, что было в советские годы? Что с ним происходило вообще, с этим местом?] Это... как этот называется, воинская часть держала здесь лошадей[7].

[4] https://ф-danilov.ru/%d0%b8%d1%81%d1%82%d0%be%d1%80%d0%b8%d1%8f-%d0%bc%d0%be%d0%bd%d0%b0%d1%81%d1%82%d1%8b%d1%80%d1%8f/

[5] Инф. 3, ж., 1949, пенсионерка.

[6] Инф. 1, м., 1945, пенсионер.

[7] Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

Илл. 1. Участники экспедиции в трапезной. Фото: Яна Поцелуйко

Даниловский монастырь

1. Вот в Даниловском монастыре тоже воинская часть базировала свои склады[8].

Собеседник 1945 года рождения, рассказывая о зданиях, построенных пленными немцами, упоминает и о том, что те жили в Даниловом монастыре:

2. Вот, где Народная площадь, там, значит, где мэрия, рядом с мэрией такое здание красивое — его построили, между прочим, пленные немцы в 30-е годы. [Здание мэрии, да?] В послевоенное время. [Вообще много пленные немцы строили в городе?] Ну, они в основном вот Дом культуры построили. Потом я застал, мне было не знаю сколько, года три — их отсюда убрали где-то году в [19]49-м, это мне, значит, где-то было, наверное, три года, если [19]48, они на нашей Октябрьской улице вырыли колодец. И я вот зрительно помню, как я подходил к ним. В моем представлении немцы или кто там был — только потом я узнал, что это немцы рыли. Вот. И я помню, что я подходил к ним, так сказать, чего-то, может, и разговаривал или не разговаривал — я этого не помню, потому что был слишком мал ‹…› [А к этим немцам как относились в городе?] Ну, я этого не помню. Это лучше… [Ну, по рассказам, может.] Это лучше сказать… Сейчас, наверное, никто этого не помнит, потому что они… У них в основном было в Даниловском монастыре, их содержали, немцев[9].

Туризм

После того как воинская часть была расформирована, на территории Феодоровского женского монастыря были организованы туристическое бюро и туристическая база. Так о них говорится в путеводителе И. Б. Пуришева, изданном в 1989 году: «На протяжении последних десяти с лишним лет здания бывшего Федоровского монастыря использовались переславской турбазой. Здесь размещались туристские группы, отсюда начинались экскурсии по городу» [Пуришев 1989: 198]. Наши

[8] Инф. 4, ж., 1974, работница культуры.
[9] Инф. 1, м., 1945, пенсионер.

собеседники упоминали как собственные поездки через турбюро, так и туристов, посещавших Переславль.

1. Потом, значит, стояла… Экскурсбюро здесь было, помещалось. Вот я на экскурсбюро, когда был здесь, я приходил сюда — здесь какие-то семинары были, проводились, и здесь комплектовались экскурсионные группы и подавали заявки на поездки, автобусы заказывались через них, и на Москву — ездили в Москву. Типа театра, типа, значит, музея, а под это дело закупались в магазинах. В то время-то сложно было с продовольствием — вот все близлежащие области, все использовали, ездили в Москву в основном за продуктами. Владимирская область, Калининская область, сейчас Тверская, Ивановская область, Костромская область, Ярославская — все туда. [Вот это экскурсбюро прям на территории монастыря?] Да, здесь оно размещалось. [А в каком из зданий?] Ой, я сейчас не скажу. Где-то вот здесь вот… Мы так, как я шел — где-то тут у них, я поднимался по какой-то лесенке к ним, вверх куда-то, на второй этаж. Там такой закуток какой-то был. Там несколько, наверное, с десяток экскурсоводов было. [Прилично.] Вот. Да. Ну, автобусов много было — ездили каждый день на неделе почти. Да не почти, а каждую неделю. [Каждый день, да?] Один-два автобуса точно ходили. Все предприятия заказывали, школы заказывали, учителя. Вот. Организации другие. И каждый, особенно наплыв был перед праздниками. [При этом сам монастырь был в достаточно таком разрушенном состоянии, да?] Ну, не скажу, что… Требовал реставрации, церкви, все эти, значит, часовни, все купола все в разные цвета окрашены. А конечно. Сейчас, конечно, он все в праздничном виде. Сейчас смотришь — тогда все облупленные были, облезлые, штукатурка осыпанная, окна забитые или разбитые. Вот. Все было[10].

2. Там не было, там же не было, там монастыря не было. Там была какая-то база туристическая. Там была столовая, где кормили туристов, и были какие-то автобусы. Но я не помню точно, потому что это детские воспоминания, но это точно. Там написано было — «Турист», это кафе было. То есть, монастырь, монастырь — это был так закрытый, где-то забитые досками окна, то есть, это все закрыто[11].

Одной из точек притяжения для туристов был Горицкий монастырь. Это связано с его историей: в 1744 году он перестал функционировать как монастырь, а в 1919-м обрел статус музея. Это не могло не повлиять на восприятие: наши собеседники называют его в списке прочих монастырей, но говорят о нем только как о музее.

Дальше — Горицкий монастырь, значит, историко-художественный музей. И там епархия в свое время когда-то была, центральная, так сказать. Вот. [В Горицком, да?] Да. В [19]19 году только там образовался музей[12].

Монастырь как декорация

И. Б. Пуришев пишет о реставрации Никитского монастыря, заканчивая главу о нем рассказом о состоянии зданий на момент написания книги: «Древние здания Никитского монастыря производят сейчас грустное впечатление. Большинство из них никак не используется и не охраняется, а это ведет к неизбежному разрушению. Не раз делались попытки передать ансамбль какому-либо ведомству или учреждению, но все они кончались безрезультатно. Сейчас вновь ведется обсуждение дальнейшей судьбы

[10] Инф. 1, м., 1945, пенсионер.
[11] Инф. 2, м., 1964, работник сферы туризма.
[12] Инф.1, м., 1945, пенсионер.

монастыря, хочется верить, что этот вопрос наконец-то будет решен» [Пуришев 1989: 153]. Вероятно, Никитский монастырь не был точкой притяжения ни для городских структур, ни для детей в силу своей удаленности от центра (он расположен на северной окраине города). Тем не менее единственный нарратив, связанный с ним, демонстрирует яркое воспоминание из жизни нашего собеседника и заодно показывает важность локуса для культуры.

> В Никитском монастыре выступал перед перестройкой или в начале перестройки Караченцов, приезжал в Никитский монастырь с артистами — они выступали, давали концерт «"Юнона" и "Авось"». В этом, прям под открытым небом [нрзб.] небом. Приезжал. [А там как-то сцена была построена или...] Да, там как-то машины были состыкованы, на машинах была типа импровизация, сцена, и выступали они там. Народу был полный... [Вы ходили, да?] Да. Ну, так а там как же не пойти — такое событие и такая рок-опера. В то время тем более Караченцов пел. Вот. Он же пел — слезу прошибал. Там люди стояли, чуть не плакали. Потом в этом, в районе Никитского монастыря снимался фильм «Коммунист», и на Кухмаре, если вы помните такое название. [Вот фильм, к сожалению, не видела...] Урбанский играл, такой артист Урбанский — «Чистое небо» если смотрели... [Вот Урбанского знаю, да.] Ну вот он снимал, как раз он играл коммуниста, и две серии. И потом как бы его сын, что ли, был, еще продолжение было фильма. Вот снималось оно. И снимался здесь «Емельян Пугачев» и «Новый мир». Это, «Война и мир». [Тоже где-то в районе Никитского?] У Никитского монастыря. У Никитского монастыря были построены макеты Москвы — пожар Москвы снимался. И «Емельян Пугачев» — здесь было поле, значит, были поставлены копны, стожки этих, зерновых, ну... [Снопы такие, да.] Рожь, да, снопы. Когда он, если смотрели, там они скачут на конях... [Да-да-да-да-да.] Эти снопики горят, и вот они скачут. Этот фильм там снимался, да[13].

Детские практики

Внимания заслуживают рассказы о детских практиках в пространстве монастырей. Место в этом случае становится лишь площадкой для игр. Можно предположить несколько причин, по которым детей и подростков привлекали монастыри. Во-первых, интерес к пространствам монастырей возникает по той причине, что они закрытые, проникновение на их территорию связано с нарушением запретов: как самого учреждения, так и, вероятно, родительских. Во-вторых, несомненно, сыграло роль то, что монастыри — объекты, обладающие знаковым, символическим значением, которое непременно хочется раскрыть и поведать окружающим. При этом отметим, что это нельзя в полной мере назвать legend-tripping, о котором говорит М. И. Байдуж в контексте практики посещения заброшенных зданий:

> Феномен включает в себя прежде всего подростковые, но не только, практики посещения мест, известных по локальным легендам как опасные: связанные с обитающими там мифологическими персонажами или с более абстрактными и неперсонифицированными угрозами, а также произошедшими здесь ужасающими происшествиями, например убийствами [Байдуж 2018: 46].

Вопреки ожиданиям наши собеседники не рассказывали о легендах и страхах, связанных с проникновением на запретную территорию, а лишь делились воспоминаниями об играх. Можно привести два вероятных

[13] Инф. 1, м., 1945, пенсионер.

Илл. 2. Туристический автобус у ворот Феодоровского монастыря.
Фото: Арина Куприянова

объяснения этому. Во-первых, основой для подобных легенд обычно становятся места заброшенные, уже лишенные какой-либо функциональности. При этом внутри монастырских стен жизнь шла и в советское время. Они не переставали быть функциональными, хотя направление работы, несомненно, изменялось. Во-вторых, монастыри вписаны в городской текст Переславля-Залесского. Они не выделяются из этого пространства, следовательно, не могут становиться основой для осмысления в виде легенд.

1. [А вы говорили еще, что вот на месте монастыря ничего не было, да, то есть ну в смысле...] Здесь все разрушенное было. [Вы здесь играли в игры какие-то, да?] Здесь да, играли в игры[14].

2. Но потом я узнала от жителей, что здесь вообще вокруг храма Федоровского нашего собора, здесь были одни могилы. В детстве дети в прятки играли. Поэтому как бы ходишь тут и думаешь: «Ходишь по костям»[15].

3. [Где еще любили проводить время в дружеской компании?] Монастыри, на самом деле, монастыри. [Монастыри?] Да. Мы в детстве все монастыри здесь, все подвалы, все эти колокольни, все чердаки, все... [То есть, все открыто было?] Нет. Все было закрыто. Но там же, мы же под стены могли лазать, мы же дети. Мы могли где-то там перезалезть и спокойно. [А расскажите, какие монастыри, куда забирались?] Да все: Даниловский, Федоровский, Никитский — меньше всего, но там это далеко от нас было. Наши вот: Федоровский, Даниловский, вот там все. Все знали. [Расскажите про этот Федоровский монастырь.] Вот это — Федоровский. [Вот девочки там пытались погулять, но им сказали, что без благословения нельзя...] А вы зна... Там не было, там же не было, там монастыря не было ‹...› То есть мона-

[14] Инф. 3, ж., 1949, пенсионерка.
[15] Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

стырь, монастырь — это был так закрытый, где-то забитые досками окна, то есть это все закрыто. Там вот, в Даниловском, был склад... склад гражданской обороны. Противогазы, какие-то средства против ожогов, я не помню, но вот эти пузыречки там, баночки, ну куча противогазов. Потому что мы на эти склады попадали... ну, через какие-то там дырки. Там стены... ну, видимо, до нас кто-то тоже залезал, стена, ведь пробивали дырку, чтобы можно пролезть. Я не знаю, как они пробивали, чем. Ну, в общем, мы пытались все это тоже. Вот в эти все ходы лазили. Интересно было. Ну, в общем, вот такое. [А Феодоровский — получается, там была какая-то часть забитая?] В Федоровском? [Да, да, да.] Да. По-любому весь монастырь был закрыт. То есть на территории монастыря была эта база, а сам монастырь, сами эти вот храмы, это все было закрыто. Но в подвалы все равно как-то попадали мы, я не помню, там окно какое-то откроет кто-то. Мы придем, а окно открыто, в подвал залезем. [А что там было в подвале?] Да, в общем-то, ничего. Там интерес просто — строения, вот эти своды, ходишь по этим подвалам. Ну, воспоминания-то детские, там все же как-то страшно еще. [Еще бы!] Это все еще щекочет нервы, да. А потом, а не было фонарей, как сейчас, да, чтоб там все посветить, надо было... [Свечами светили?] Нет, либо факел какой-то делали: там тряпку намотаешь, чем-то его там пропитаешь, но что-то вот такое было, было вот такое. Чтоб яркого света не было, это все перед собой освещали. [Жуть какая!] Ну да. [А не рассказывали какие-нибудь страшные истории, что вот там кто-то в монастырь пошел, залез?] Нет, ну, такие не рассказывали. Но, в общем-то, все равно... жили, этим жили. Там страшные истории — это не сейчас, да. Вот, если посмотреть Данилов монастырь, вот роспись на потолке — там, ну, это детский лепет, если уж говорить. Там показывают, как черти, ну, там Преисподняя такая, значит, черти варят кого-то в котле в этом. Ну... раньше было страшно. Сейчас такие ужастики рисуют, что, в общем-то, ты смотришь и думаешь: как этого можно вообще бояться было? Кого мы хотим напугать этим? [А боялись раньше, страшно было, нет?] Вопрос религии — он не стоял так[16].

Последний рассказ наиболее приближен к идее legend-tripping: собеседник говорит о том, что дети приходили туда в том числе за страхом. Но при этом не происходило формирования конкретных легенд о монастырских территориях.

Монастырь как пограничная территория

На момент написания работы Феодоровский, Никитский, Никольский и Данилов являются действующими монастырями, Горицкий Успенский монастырь остается музеем. Можно было бы предположить, что многообразие ролей, выполняемых монастырскими пространствами, сузилось до одного варианта, но это не так. Монастыри остаются точками притяжения для мирян не только как сакральные объекты, хотя это, безусловно, наиболее очевидная роль монастыря.

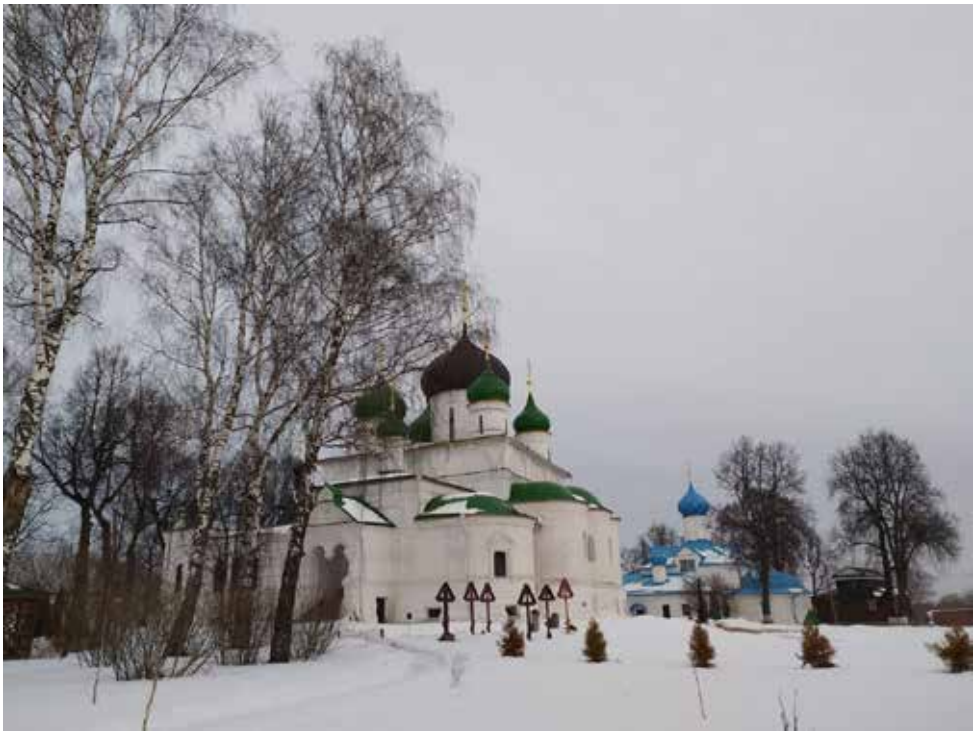
Еще в конце 1960-х Переславль-Залесский был включен в туристический маршрут «Золотое кольцо России». Это обеспечивает приток туристов в город и по сей день: по данным, опубликованным на сайте администрации Переславля, в 2015 году город посетили более 367 тысяч человек[17]. Монастыри привлекают внимание как паломников, так и светских туристов.

В этих условиях монастыри оказываются в двойственном, пограничном положении: с одной стороны, они остаются религиозными учреждениями, с другой стороны оказываются вынуждены постепенно открываться миру и

[16] Инф. 2, м., 1964, работник сферы туризма.
[17] https://admpereslavl.ru/userfiles/documents/pos.03-0220_16__29.02.2016.DOCX

выстраивать коммуникацию с ним: как личную, так и дистанционную. Так, Феодоровский монастырь активно ведет аккаунты в соцсетях: регулярно выкладываются новые посты и видеоролики, появляются комментарии. Но монастырь стремится к открытой коммуникации не только в онлайн-пространстве. Здесь будет уместно привести цитату из интервью с одной из послушниц.

> И вот текущая цель развития монастырской территории заключается в том, чтобы сделать какие-то локальные, локализовать сестринскую зону, сестринскую часть, при этом у нас есть два, как минимум два фактора непременных, которые обязывают нас оставить открытым монастырь. Во-первых, здесь храмы, здесь богослужения, и люди должны на эти богослужения попадать. [Конечно.] Прихожане. Во-вторых, мы памятник федерального, федеральной… Ну вообще комплекс зданий монастыря — это федеральная собственность, и мы не имеем права полностью закрыть монастырь, какая-то часть должна быть открыта для просмотра, для знакомства любого гражданина. Вот панк приехал, байкер приехал, пятидесятник, буддист. Он имеет право как гражданин Российской Федерации увидеть памятник. [А иностранные граждане?] Ну пусть тоже приходят. [*Смеется*]. На самом деле это законодательно обусловлено, то есть мы это тоже должны учитывать. Поэтому мы сейчас продумали такой. Мы вначале сели вместе с матушкой и несколько старших сестер, меня тоже позвали как человека, который занимается всеми реставрационными моментами, вот. И у меня была такая речь к матушке. Матушка, смотрите. Мы на дороге, мы в городе, все равно к нам будут приезжать паломники к Андрониковской (вероятно, имеется в виду Андрониковская икона Божьей Матери — *А. К., Д. А., Я. П.*) и так далее. И у нас есть два пути, две альтернативы: первая — сделать вид, что, мы в домике, вообще никого не замечать и, так сказать, это самое. Но это чревато, если мы не контролируем ситуацию, мы ею не управляем, мы просто спрятались, у нас остается только возможность реагировать, тогда ситуация будет управлять нами, а мы будем на нее как-то реагировать. Это чревато на самом деле очень плохими последствиями, потому что это будут тогда как бывают. ‹…› Ну то есть как бы такая вот мы здесь спрятались, а вы там сами по себе как хотите. В итоге поняли, что нам нужно формировать такие отношения с миром, когда у нас были бы возможности этим процессом управлять, то есть формировать инструменты управления вот этой коммуникацией. И у нас, с одной стороны, есть некий перспективный план развития монастырской территории с учетом зонирования, то есть мы выделим те зоны, которые мы хотим обособить совсем, и они совсем сестринские, и туда не попадает никто, даже послушание и трапезные сестринские отдельно. Есть отдельная у нас зона храмовая, которая общедоступная и так далее, и еще она храмовая и у нас чисто территориально, например матушка предложила сделать музей монастырский в подклете собора. ‹…› И третью зону, которую мы для себя определили — некая зона гостеприимства — часть от въезда в монастырь до монастырской стены, там, где странноприимный дом, вот этот вот скверик и так далее. Там действительно есть уже более системный план застройки, опять же это связано с проблемами охранной зоны, то есть там очень узкая полоска, где можно что-либо сделать, но это ладно, что-то строить, и это некая буферная зона, которая, с одной стороны, гостеприимная, то есть есть люди, которые и хотели бы, допустим, зайти в монастырь, но боятся: вдруг я там не так одета, вдруг я как-то не так перекрещусь. И вот эта зона гостеприимства, где там будет кофейня, какой-то интересный скверик, удобная навигация симпатичная, удобный вход, освещенный вход, потому что если вы вечером были там, то вы видели… Точнее, не видели. [Практически да.] [*Смеется.*] Практически ничего не видели. Да, вот эту часть, чтобы она была неким таким, с одной стороны, она бы отсекала совсем праздношатающихся, потому что хоть сейчас это все снивелировалось, но раньше у нас был период, когда к нам заходила молодежь такая, без тормозов. Там, условно говоря, усесться на

Илл. 3. Собор Феодора Стратилата. Могилы монахинь. Фото: Арина Куприянова

лужайке под крестом поклонным, там что-то разложить и общаться и там плеер слушать… То есть у них было такое ощущение, что они в парк пришли. [*Смеется.*] И мы, естественно, старались… Ну или там у нас часто пленэры тут бывают, художники. Стоят там девчонки, в таких шортиках или ребята, им жарко, тот футболку снял, стоит значит с голым торсом, молодые тоже сестры… Ну, это не полагается. Ну, как объяснить… Мы, естественно, стараемся очень деликатно. Но для нас одно из самых важных действий с точки зрения перспективного развития монастыря, ну я бы такую формулировку не использовала, я бы сказала, с точки зрения формирования социокультурной среды вокруг монастыря, может быть, еще более точно можно определить, но пока вот так оно у нас формулируется. Это как раз наша проектная деятельность, потому что оказалось, что она гораздо мощнее работает на формирование вот этой среды, чем вот, собственно, выкладывание стеночек, да, из камушков [*смеется*][18].

Пространство внутри монастыря зонировано на внешнее, предназначенное для мирян, и внутреннее, куда есть доступ только сестрам, трудницам и другим людям, связанным с монастырем. Эмиль Дюркгейм пишет о разделении сакрального и профанного пространства так: «Во-первых, религиозная жизнь и профанная жизнь не могут сосуществовать в одном пространстве. Чтобы первая могла возникнуть, необходимо подготовить для нее такое место, из которого вторая была бы исключена. Так возникают институты храмов и святилищ: отдельное пространство, предназначенное для сакральных вещей и существ, служащее местом их нахождения, потому что они могут утвердиться, лишь целиком подчинив себе

[18] Инф. 5, ж., 1974, послушница Феодоровского женского монастыря.

определенную область» [Дюркгейм 2018: 523]. Как видно из наших материалов, эта идея одновременно подтверждается и не подтверждается в случае Феодоровского монастыря: часть предполагаемого сакрального («внешняя» территория монастыря) пространства намеренно обращена к мирянам, не переставая при этом быть сакральной: на это указывает комплекс запретов. Но «внутренний» монастырь действительно не стремится перейти эту границу, отгораживаясь от мирского и не пуская его внутрь себя. Способом перехода этой черты служит благословение настоятельницы монастыря.

Мы как исследователи находились в пограничной ситуации: с одной стороны, женская часть экспедиции проживала в паломнической гостинице, а питались мы в монастырской трапезной; оба помещения не предназначены для внешних посетителей. С другой стороны, когда мы зашли за одну из табличек, расставленных на территории монастыря, одна из монахинь не дала нам пройти дальше, аргументируя это тем, что вход туда запрещается без благословения игуменьи. Но в последний день нам провели экскурсию по внутренним пространствам: «В последний день сходили-таки по тайным местам ‹…› Были в подвале, в склепе (только смелейшие), в башне. Посмотрели на хранение солений, изготовление свечей и что-то еще (?)» [полевой дневник от 31.01.2021]. Несмотря на кратковременность нашего включения в жизнь монастыря, насельницы воспринимали нас не как мирян-туристов.

Невоцерковленные жители города оценивают монастырь с точки зрения канонов светских учреждений. Так, одна из наших собеседниц на упоминание Феодоровского монастыря сразу заговорила о еде:

> А Федоровский — это на въезде монастырь. [Да-да-да, мы там живем сейчас.] А, пирожки там плохие, да. [Плохие, да?] Да. Вот хорошие пирожки в Никольском. А мы смеемся, потому что Федоровский — это женский монастырь, видимо, ссылают не тех. Кто пирожки печь не умеет. У них правда плохие пироги, не берем никогда. А в Никольском хорошие[19].

Тобиас Холцленер, говоря о государственных границах, упоминает как разделяющую, так и соединяющую функцию: «Границы разделяют и в то же самое время соединяют людей и предметы потребления друг с другом, часто в очень материальной и телесной форме. Границы — это гибридные объекты. С одной стороны они представляют собой социальные и культурные конструкции, которые выражены через символические характеристики; с другой стороны, они являются также вполне материальными объектами, включающими в себя предметы потребления, тела и экологические системы» [Холцленер 2009: 103]. Эти тезисы кажутся нам верными и в отношении границы «сакральное — профанное» в случае монастыря и города: материальной границей служат монастырские стены, «пограничниками» — насельницы монастыря, вовлеченные в коммуникацию с прихожанами. При этом граница, как физическая, так и символическая, безусловно, проницаема, что способствует сближению двух миров, но все же никогда не становится полностью прозрачной.

[19] Инф. 9., ж., 1963, работница культуры.

Паломничество

Стоит отдельно упомянуть о паломнических поездках. В них часто совмещаются несколько мест для посещения: за один день паломники успевают посетить и село Годеново, где расположен чудотворный крест[20], и Переславль-Залесский. Очевидно, что в формате однодневной поездки невозможно попасть во все монастыри города, поэтому предпочтение в таких турах отдается двум: Никитскому и Никольскому. Так этот выбор комментируется на сайте одной из паломнических служб:

> Здесь мы посетим один из древнейших монастырей на территории России, основанный в 1010 году святым благоверным князем Борисом — Никитский Переславский мужской монастырь. Здесь можно будет приложиться к мощам преподобного Никиты Столпника и его веригам, посетить часовню Столп на месте его подвигов, а также окунуться в чудотворном источнике, выкопанном преподобным Никитой в XII веке. Ну и в завершение мы посетим один из самых красивых монастырей Переславля-Залесского, Никольский женский монастырь. Именно сюда в XVII веке был принесен Корсунский Крест князя Владимира, изготовленный в Херсонесе после Крещения Руси. Здесь Вы также сможете приложиться к мощам преподобного Корнилия Переславского и благоверного князя Андрея Смоленского. Здесь же хранится икона с частицей мощей святителя Луки Крымского, и его личные вещи — ведь именно здесь, в Переславле-Залесском, он возглавлял земскую больницу с 1910 по 1917 год[21].

Это рекламное сообщение фокусируется на сакральных объектах, статус которых определяет значимость монастыря для паломника: мощах и иконах, к которым можно приложиться, а также на святых источниках, обеспечивающих «прямой контакт с благодатью, ради которой и совершается путешествие» [Кормина 2019: 97]. Феодоровский монастырь периодически включают в маршруты автобусных паломничеств, добавляя его к двум другим монастырям или заменяя им Никольский. Для паломников он интересен прежде всего чудотворной «Андрониковской» иконой Божьей Матери. Люди, приходящие к ней, оставляют записки с просьбами о помощи. Она же привлекает и местных жителей. Мы записали две истории о чудесном исцелении.

> **1.** В нашем монастыре наша икона «Андрониковская» — это же замечательная икона, которая помогает. Она нам тоже во многом помогала. Сколько? 11 лет назад моему мужу делали операцию. Мы здесь ходили всей семьей: сын, внуки. Ходили каждый день и молились «Андрониковской». Потому что ситуация была очень тяжелая, у него там гнойный был это... желчный. Ну, спасали его. Ну, спасли. Слава Богу. Я думаю, благодаря молитвам иконы Божьей Матери. Ну, и ходим к иконе, просим. Часто помогает. Если просишь от всей души, то и помогает[22].

> **2.** [Просто говорят, что чудодейственная вот эта «Андрониковская» икона.] Она да. Она и спасает меня. Хранит пока, слава Богу. [А есть какие-то прям случаи, что вот человек обратился к этой иконе и потом...] Да вот... [...исцелился там.] ...приезжают очень много народу. Вот человек вот в аварию попал, вот они вот недавно приезжали. Сын, папа, жена у него еще. И мать [нрзб.] вчетвером приезжали. На голове травма большая, ну, после аварии. Рука вообще парализована. Вот они уже при мне раз третий приезжают и благодарят, что у них сын выжил. Из реанимации

[20] Сакральному статусу Годеновского креста посвящена статья А. Б. Мороза и Э. С. Семиврагової [2021].
[21] https://www.makovec-ps.ru/poezdki/godenovo/
[22] Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

после такой аварии большой. И вот всегда вот мне денег же не жалеют, там раз, то пятьсот, то тысячу дадут. Приезжают всегда вот, не знаю, на эти выходные приедут, не приедут. [То есть каждую неделю, да?] Ну, может быть, раз в две недели, а то, может быть, и в три. Часто их вижу, в общем. Тут много кто часто приезжает. Вот кольца там висят вот эти вот. Кому помогают, там они сразу благодарят ее, Божью Матерь, и вот... Золотые кольца там, крестики, что там еще там? Цепочки какие-то там они вешают же. Это благодарение за то, что Матерь Божья помогла. Кто-то семейные вопросы какие-то даже вот. Очень много семей приезжает. Я много раз вижу все вот это вот, как его, к Матушке приезжают они. И благодарят ее, что она так хорошо помогает, что в семье разлада нету[23].

В один из дней мы тоже встретили паломников в храме: «В то время, когда НВ уже ушел, у иконы Божьей Матери выстроилась очередь из прихожан. Они были скорее похожи на тех, кто только что вышел из туристического автобуса, а не на тех, кто часто посещает церковь. Женщин 10 человек и ребенок — девочка лет пяти» [полевой дневник от 27.01.2021]. Эту группу действительно интересовала икона, а не происходившая в тот момент служба: приложившись к «Андрониковской» иконе, которая, по-видимому, была целью посещения монастыря, они быстро покинули церковь.

Монастырь как пространство для благотворительного активизма

Феодоровский монастырь реализует проект «Миссия — врач». Этот проект направлен на восстановление комплекса земской больницы, где в начале XX века работал В. Ф. Войно-Ясенецкий (святитель Лука), на обучение сестер милосердия и в том числе на проведение культурных мероприятий.

Бездомный, у которого мы брали интервью, посещает все монастыри города, но милостыню просит именно рядом с Феодоровским: по благословению игуменьи.

Мне даже здесь запрещают с монашками разговаривать. Нельзя разговаривать. [Потому что женщины?] Ну да. Что я их якобы, кого-то искушаю. Это смешно, это же, блин... Если она приняла этот, свою дорогу, пусть она живет этот... [У каждого монастыря свои правила, получается.] Ну да. Ну, они меня смиряют, типа того, что я же... да ладно, мне все... [Но так они не возражают из-за того, что вы здесь сидите?] Они наоборот мне разрешили. Матушка мне разрешила. Потому что, ну, у меня такая беда, что я буду делать? Меня уже тут все знают, сколько прихожан тут знает, москвичей приезжает[24].

В этом нарративе можно увидеть проявление той самой границы: с одной стороны, монастырь помогает ему, с другой — требует соблюдения специфических правил, характерных для религиозного учреждения.

Послушница Феодоровского монастыря немного упоминала и о социальной роли Никитского монастыря:

А Никитский монастырь у него такое своеобразное служение, мало того, что отец Димитрий восстанавливает все заброшенные, разрушенные храмы в округе, то есть у него приписных храмов, я побоюсь точную цифру назвать, но что-то около ста. Мало того, что заброшенный Никитский монастырь восстановил, так еще и вот эти все храмы. И как бы у него это совпадает, к нему все время прибивает-

[23] Инф. 6, м, 1974, бездомный.
[24] Инф. 6, м, 1974, бездомный.

ся народ какой-то такой, десоциализированные дядьки какие-то: бомжи бывшие, наркоманы, алкоголики. Вот и у них там значит тоже, у нас вот трудники, у них свое своеобразие, вот у него целая коммуна такая этих ребят. Где-то неподалеку они там живут, они, собственно, и в стройке помогают и сами перевоспитываются через это дело, но у нас было несколько интересных опытов общения с такими ребятами, Матушка звала их помогать[25].

Случается и так, что монастырь становится площадкой для благотворительных инициатив мирян. Так, одна из наших собеседниц ухаживает за могилами сестер, похороненных на территории Феодоровского монастыря.

И когда я на́чала за мать Нектарьей ухаживать, я раскопала рядом. Там стояли три каких-то памятника, откуда-то люди попривозили с этого. Я раскопала рядом как бы типа могилки, цветы насадила, и как бы думаю, это тем, прежде усопшим. Ну, потом уже там дальше начали хоронить уже... уже нынешние. Вот, а мать Нектарья еще не такая старая была. Она была алтарницей, очень добрая была. Хотя мало я знала. Все равно о ней отзывались очень хорошо. [А почему вы решили ухаживать за ее могилой?] Почему? Моя бабушка, дедушка, так случилось, что они, дочь вышла замуж в Ставропольский край. И когда они, ну, уже в возрасте, как... надо же кому-то ухаживать. И дочь их забрала к себе. Ну, они там ушли в иной мир, похоронены. Пока там еще какие-то родственники были, ухаживали за могилками. Кто-то там еще, моя двоюродная сестра — она служила в этом... Ой, скажу. Скажите, в армии она была? Она это, говорила, кто-то из военных там ездил в отпуск, она давала деньги, чтоб еще там поухаживал. И у меня такая, думаю, даже если я приду к брату на могилу или еще к кому, если рядом неухоженная эта, я думаю, ну, уберу-ка я ее, а вдруг моему дедушке и бабушке кто-то тоже, вот даст Бог, приведет и уберет эту могилочку. Потому что у нас нет возможности поехать. Там у нас уже никого абсолютно нету. Дочка ихняя переехала жить, ее брат забрал ближе к себе. И я решила, что, ну, я поухаживаю за могилками. Даст Бог, дедушка и бабушка... мне обидно[26].

Визуальный облик монастыря

О Даниловском и Никольском монастырях наши собеседники упоминали редко. При этом речь заходила о визуальном облике монастырей, который в том числе формирует притягательность для туристов.

1. Даниловский Свято-Троицкий. Ну, то, что в Даниловском — это с ума сойти, я туда всех вожу росписи смотреть. Гурия Никитина. Это просто... Я умираю, когда в русской росписи драконы всякие, змеи семиголовые...[27]

2. Но там служба идет в надвратном храме Никольском. По-моему, батюшки приезжают с Москвы. А служба там... в воскресенье, по-моему, правда, в три часа дня. А как в субботу, не знаю. Но иногда, я иногда туда захожу, потому что там очень много тоже икон таких очень... ну как... и там монашки. Я встречала. Но я не была там на службе, честно говоря. Когда в Успенском была служба, я бывала. Крестный ход возле монастыря. Николая Угодника в Никольском монастыре. Там тоже бывала. Там тоже очень красиво. Там же был этот, водоем сделали, рыбки такие красивые были. Но сейчас я их не вижу там. Там цветов очень много, ухоженное все у них[28].

[25] Инф. 5, ж., 1974, послушница Феодоровского женского монастыря.
[26] Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.
[27] Инф. 9, ж., 1963, работница культуры.
[28] Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

Монастырь как музей

Свой статус с советских времен не поменял только Горицкий монастырь. Нарративы наших собеседников позиционируют его скорее как музей, нежели церковное пространство, несмотря на периодически проходящие службы. Таким образом, монастырь переходит ту самую границу сакрального и мирского.

1. И по Горицкому монастырю тоже есть решение о том, чтобы передать его церкви. Даже назначен игумен. Но как сказать, покуда надо переселить музей, и вот это вот, куда переселять музей? И, скажем так, вот этот вопрос не решен. Есть площадка в центре города, которую предлагают, но там они предлагают за плату, естественно, областные власти никак не могут этот вопрос отрегулировать. Заплатить. [Тем не менее там же службы проводят?] [Да, они проходят.] [нрзб] Надвратная церковь есть[29].

2. Я уже ходила по Горицкому монастырю, кто приезжает. Сестра с Херсона приезжала, мы ее все, водили ее. Дети мои с Украины приезжали, водила туда. Я уже ходила туда, рассказываю им, и уже меня агитировали стать экскурсоводом. Мне там очень нравится вот этот музей, где вот эти старинные иконы. Вы там были? [А как он называется?] Что? [Музей.] Музей? Ну, Горицкий музей вот это. Горицкий монастырь — это же музей. Вот это когда в здание заходишь, где... там заходишь[30].

3. А потом я еще очень люблю Горицкий за то, что... мало того, что это крепость, реальная крепость, со всех сторон безумно красивая. Особенно на восходе, он прямо горит красным цветом, фантастика. Там феноменальный музей собран. Феноменальный музей! То, что грабанули в свое время то, что смогли собрать по окрестностям, они это сохранили. А потом, там сохраненный вот этот вот, если вы помните, иконостас[31].

Заключение

В течение последнего века монастыри оставались точками притяжения для жителей города. Воспоминания о XX веке можно поделить на две категории: рассказы о государственных учреждениях и описания детских игр. После возвращения монастырей РПЦ они продолжили быть агрегаторами внимания горожан и туристов. Некоторые из них особенно стремятся к коммуникации с миром, принимая участие в социальных проектах и создавая среду для паломников и туристов. Все монастыри, кроме музейного Горицкого, являются пограничными пространствами, выступая в роли посредников между сакральным и мирским.

Литература

Байдуж, М. И. (2018). Охота на привидения: практики освоения страшного пространства с точки зрения антропологии и фольклористики. *Фольклор и антропология города, I*(1), 44–58.

Дубовка, Д. Г. (2020). *В монастырь с миром. В поисках светских корней современной духовности*. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Элементарные формы.

[29] Инф. 7, м., 1964, пенсионер, работник культуры.

[30] Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

[31] Инф. 9, ж., 1963, работница культуры.

Кириченко, О. В. (2010). *Женское православное подвижничество в России (XIX в. — середина XX в.)*. М.: Алексеевская пустынь.

Кормина, Ж. В. (2019). *Паломники: этнографические очерки православного номадизма*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Мороз, А. Б., Семиврагова, Э. С. (2021). Животворящий крест в селе Годеново: между двух сакральных центров и за их пределами. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, *39*(3), 184–208.

Петров, Н. В., Матвеева, Э. Г., Радченко, Д. А., Байдуж, М. И., Петрова, Н. С., Рычкова, Н. Н. (2019). *Истории людей в цифровом формате: методические рекомендации по сбору и визуализации интервью*. М.: Неолит.

Пуришев, И. Б. (1989). *Переславль-Залесский. Путеводитель по историческим и архитектурным памятникам*. М.: Советская Россия.

Савоскул, С. С. (2015). *Мой Переславль. О локальном самосознании личности*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Холцленер, Т. (2009). Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке. *Ойкумена. Регионоведческие исследования, 3*(10), 102–111.

References

Baiduzh, M. (2018). Ghost hunt: Practices of exploring creepy spaces according to anthropology and folklore studies. *Urban Folklore & Anthropology, 1*(1), 44–58. (In Russian).

Dubovka, D. (2020). *To the convent in peace: Searching for secular origins of contemporary spirituality*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo Universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).

Durkheim, E. (2018). *The elementary forms of religious life: Totemic system in Australia*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).

Holzlehner, T. (2009). Eastern porosity: An anthropology of cross-border trade and contact in the Russian Far East. *Oikumena: Regionovedcheskie Issledovaniia, 3*(10), 102–111. (In Russian).

Kirichenko, O. (2010). *Women's Orthodox asceticism in Russia (in the 19th — mid-20th centuries*). Moscow: Alexeyeva Pustyn'. (In Russian).

Kormina, J. (2019). *Pilgrims: Ethnographic sketches of the Orthodox nomadism*. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey Shkoly Ekonomiki. (In Russian).

Moroz, A. Semivragova, E. (2021). The life-giving cross in the Godenovo village: Between and beyond the two sacred centers. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, *39*(3), 184–208. (In Russian).

Petrov, N., Matveeva, E., Radchenko, D., Baiduzh, M., Rychkova, N. (2019). *People's stories in digital format: Guidelines for collecting and visualizing interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).

Purishev, I. (1989). *Pereslavl-Zalessky. A guide to historical and architectural monuments*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russian).

Savoskul, S. (2015). *My Pereslavl. On the local self-awareness of the individual*. Moscow: Institut Etnologii i Antropologii RAN. (In Russian).